

К. В. Истомина
**О ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ ОЛЕНЕЙ
 НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ***

УДК 397.4(470.2):636.01

ББК 63.5(2Рос-4Мур)

Отказ от постоянного контроля над оленьим стадом и переход к так называемому экстенсивному выпасу оленей часто рассматриваются как проявление «разлада» между оленеводами и оленями, потери их взаимной адаптированности, что ведет к возвращению оленей в естественное (дикое) состояние. Однако материалы по кольскому оленеводству показывают, что, несмотря на господство здесь в течение более 30 лет экстенсивного выпаса, при котором животные пасутся безнадзорно летом и лишь частично поднадзорно — зимой, оленьи стада в процессе миграций до сих пор следуют кочевыми путями и придерживаются ритма перекочевков оленеводов эпохи господства интенсивного выпаса. На этом факте основываются применяемые оленеводами приемы поиска и сбора оленьих стад, а также технология выпаса в отельный период. Таким образом, несмотря на прекращение интенсивного выпаса, у оленей сохраняются поведенческие традиции того времени, а оленеводы приспосабливают к ним свое поведение. Это указывает на сохраняющийся высокий уровень адаптированности человека и оленя друг к другу, а также на то, что поведенческие традиции оленя могут быть весьма устойчивыми. Возможно, имеет смысл говорить о культурах оленей, всегда сопровождающих культуры оленеводов.

Ключевые слова: *олeneводство, экстенсивный выпас, Кольский полуостров, поведенческие традиции, культура оленей, саами, коми*

Кочевые животноводческие сообщества всегда состоят из двух компонентов — человека и животного, — каждый из которых имеет свои потребности и стратегии их удовлетворения. Понять динамику кочевых сообществ без выяснения взаимодействия между этими компонентами невозможно. Это особенно ярко видно в случае кочевого оленеводства. В отличие от других разводимых кочевыми народами видов животных, северный олень не имеет заметных анатомических и физиологических отличий от своего собрата — дикого оленя; домашние и дикие олени вполне могут спариваться, приносить фертильное потомство, и поэтому их нельзя, строго говоря, считать двумя отдельными видами животных. Именно поэтому в англоязычной литературе за северными оленями, находящимися в стадах оленеводов, закрепилось определение «полуодомашненные» (semidomesticated), которое имплицитно (а иногда и вполне эксплицитно) предполагает

и особые поведенческие характеристики.¹ Считается, что у полуодомашненного оленя сохраняется достаточно много поведенческих моделей и стратегий, которые, с одной стороны, позволяют ему выживать и размножаться в дикой природе без надзора пастуха (например, экстенсивные системы оленеводства Скандинавии), а с другой — создают множество проблем оленеводам, которым приходится постоянно учитывать эти поведенческие модели и стратегии и приспосабливать к ним свою деятельность.² Отсюда проистекает то и дело появляющийся в литературе взгляд на кочевое оленеводство как на некую бесконечную «войну» между сосуществующими популяциями человека и оленя, в которой оленеводы пытаются навязать свою волю оленьему стаду, заставив его вести себя так, как этого требуют их, оленеводов, потребности, но вынуждены то и дело уступать инстинктам своих животных и следовать за ними туда, куда эти инстинкты их ведут. Этот взгляд на оленеводство особенно ярко проявился в трудах Хью Бича об экстенсификации оленеводства,³ где утверждается,

*Истомин Кирилл Владимирович — к.и.н., с.н.с., Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Сыктывкар, г. Екатеринбург)
 E-mail: kistomin@naver.com*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01882) «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А. В. Головин)

¹ См.: Beach H., Stammer F. Human-Animal Relations in Pastoralism // Nomadic Peoples. 2006. Vol. 10, iss. 2. P. 7–10

² См., напр.: Баскин Л. М. Северный олень: управление поведением и популяциями, оленеводство, охота. М., 2009.

³ См.: напр.: Beach H. Reindeer-Herd Management in Transition: The Case of Tuorpon Saameby in Northern Sweden. Up-

что оленевод «должен постоянно навязывать (impose) своему стаду путем значительно-го принуждения (with considerable coercion) определенные модели поведения»,⁴ которые и делают это стадо домашним и управляемым. Как только «навязывание» прекращается, например в процессе перехода к экстенсивному выпасу, поведение оленей «подобно натянутой резиновой ленте»⁵ возвращается к «естественному» (т. е., видимо, дикому) состоянию и оленеводы лишаются возможности вернуться к интенсивному выпасу, даже если бы они того захотели. Именно поэтому процесс экстенсификации оленеводства, раз начавшись, является, согласно Хью Бичу, необратимым.

Однако описанная модель не выдерживает критики с точки зрения современной этологии. Дело в том, что у оленей, как и у большинства других высокоорганизованных живых существ, живущих в условиях, где основные биологически значимые параметры (температура, освещенность, влажность, количество и состав корма и т. д.) подвержены быстрым, значительным и малопредсказуемым колебаниям, врожденные модели поведения играют весьма малую роль. Единственный путь успешного приспособления к указанным условиям состоит в возможности быстро менять свое поведение в ответ на изменения окружающей среды. Поэтому на первый план в этих условиях выходят не наследуемые модели поведения, а формирующиеся в результате проб и ошибок, но в основном — путем научения через копирование образцов поведения других особей. Крупнейший отечественный специалист по поведению северного оленя Л. М. Баскин еще в 1968 г. отмечал, что «большинство поведенческих моделей оленя являются приобретенными... В прямом смысле врожденных инстинктов у оленей мало... причем даже наиболее важные из них, такие как инстинкт кормления и самосохранения, тут же “обрастают” приобретенными моделями поведения, создавая сложные поведенческие комплексы».⁶

psala, 1981. Сам термин «экстенсификация оленеводства», прочно вошедший в словарь исследований по теме, означает комплекс изменений в технологии оленеводства, ключевую роль в котором играет отказ от выпаса оленей под надзором пастуха и перевод их на все более и более длительное время на свободный выпас; в конце концов процесс экстенсификации приводит к тому, что олени оказываются на свободном выпасе в течение всего года.

⁴ Ibid. P. 41.

⁵ Ibid. P. 48.

⁶ Баскин Л. М. Экологические основы северного оленеводства: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1968. С. 6.

Отсюда видно, что в поведении оленя просто нет того «естественного состояния», к которому, по мнению Хью Бича, животное стремится вернуться. Если для поведения оленей что-то и «естественно», так это постоянно меняться под воздействием изменяющихся факторов внешней среды, приспосабливаться к ним, копируя образцы поведения других особей.

Именно поэтому, в противовес модели Хью Бича «олeneводства как войны и принуждения», мы с соавтором, Марком Джеймсом Двайером, выдвинули модель оленеводства как динамической взаимной поведенческой адаптации человека и оленя.⁷ Согласно этой модели, поведение домашнего оленя формируется в результате его адаптации к факторам внешней среды, ведущее место среди которых занимает человек и его поведение по отношению к оленьему стаду. Изменение поведения оленеводов (например, модификация приемов выпаса) ведет к изменению поведения стада, что может либо увеличить возможности оленеводов в плане контроля над стадом, сделав его менее трудоемким и открыв путь к дальнейшему совершенствованию приемов выпаса (позитивная адаптация), либо, наоборот, уменьшить их возможности контролировать стадо, сделав необходимым дальнейшее изменение поведения оленеводов (негативная адаптация). В обоих случаях изменение поведения стада влечет за собой дальнейшее изменение поведения оленеводов, что в свою очередь приводит к модификации поведения оленей и т. д. Это объясняет широко известный специалистам факт, что олени, выросшие в различных технологических системах оленеводства, ведут себя по-разному: взаимная адаптация приводит к тому, что любая оленеводческая культура характеризуется не только определенными моделями поведения людей, но и «поведенческими традициями» оленей.

К сожалению, выдвинутая семь лет назад модель взаимной динамической адаптации оленеводов и оленьего стада также имела свои слабые стороны, например, взгляд на процесс экстенсификации оленеводства как на разворачивающуюся спираль негативной адаптации, что мы в значительной мере подкрепляли материалами по оленеводству Кольского полуострова. Этим представлениям мы были обязаны прежде всего трудам скандинавских этнографов, в том числе

⁷ Istomin K. V., Dwyer M. J. Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism // Human Ecology. 2010. Vol. 38, iss. 5. P. 613–623.

Хью Бича, взгляды которого продолжали оказывать на нас влияние, несмотря на нашу критику, выдвинутую против него. Кроме того, мы тогда не имели собственного опыта исследования экстенсивного оленеводства: упомянутые материалы были почерпнуты нами частично из опубликованной литературы, частично — из личных контактов с коллегами, работавшими на Кольском Севере.

В марте 2016 г., благодаря участию в проекте «Мобильность в Арктике», автору настоящей работы удалось впервые провести собственное исследование на Кольском полуострове и лично познакомиться с динамикой взаимоотношений между человеком и оленем. Основным методом, использовавшимся в ходе полевой работы, было этнографическое интервью. В исследовании участвовали 15 респондентов, причем 11 из них были работниками оленеводческих предприятий. Среди опрошенных были представители четырех ловозерских оленеводческих бригад (СХПК⁸ «Тундра»), двух (из четырех) бригад села Краснощелье и единственной оленеводческой бригады села Каневка (СХПК «Оленевод»). Кроме того, в исследовании приняли участие директор и управляющий предприятия «Тундра», а также преподаватель дисциплин «технология содержания оленей» и «основы зоотехнии» Ловозерского северного национального колледжа. Продолжительность интервью составляла от 30 минут до 3 часов. Среди информаторов преобладали коми оленеводы (11 из 15) по следующим причинам. Во-первых, среди оленеводов полуострова коми доминируют, составляя большинство пастухов предприятия «Оленевод» и примерно половину пастухов «Тундры». Во-вторых, для автора (коми по происхождению) было проще устанавливать контакты именно с ижемцами: в этом случае интервью могли проводиться на языке коми, который до сих пор преобладает среди оленеводов Краснощелья и Каневки. Наконец, для поиска информаторов мы обратились к региональной ячейке коми-ижемского движения «Изьватас», с которым у нас установлены хорошие связи.

Результаты работы показали, что выдвинутые нами в 2010 г. взгляды на экстенсивное оленеводство вообще и на оленеводство Кольского Севера в частности были слишком упрощенными и нуждаются в серьезной корректировке. Изложению полученных в ходе полевого исследования данных и сформированного

на их основе нового, более детального взгляда на динамику взаимной поведенческой адаптации человека и оленя в экстенсивном оленеводстве посвящена настоящая статья.

Оленеводство Кольского полуострова: основные этапы трансформации

Современное оленеводство Кольского полуострова является уникальным среди существующих на севере России оленеводческих систем из-за свойственной ему экстенсивности технологии выпаса (вольный выпас оленей в летний период и полувольный — в зимний⁹), высокой степени механизации и опоры на широкую инфраструктурную сеть (промежуточные базы, корали, изгороди).

В хозяйственном комплексе саамов — коренных жителей полуострова — оленеводство исторически имело важное, но не главенствующее значение.¹⁰ Характер оленеводства в регионе сильно изменился после переселения сюда в конце XIX столетия оленеводов — коми-ижемцев из бассейна реки Печоры и Большеземельской тундры.¹¹ Основными центрами расселения ижемцев и базами их оленеводства стали древнее саамское село Ловозеро, а также основанные ижемцами села Краснощелье, Каневка и Ивановка (Чалмны-Варрэ). В отличие от саамов, у коми-ижемцев оленеводство являлось основной отраслью хозяйства и характеризовалось высокой интенсивностью выпаса оленей. Именно ижемская технология легла в основу колхозной и совхозной системы выпаса. К настоящему времени эта система претерпела существенные изменения: она приобрела черты, значительно отличающие ее как от исторического оленеводства саамов, так и от коми-ижемского оленеводства Печорского края. Поэтому мы полностью согласны с мнением Ю. Константинова о том, что современное оленеводство Кольского полуострова, осуществляемое в основном в рамках крупных предприятий, где работают как ижемские, так и саамские оленеводы, не имеет смысла делить на саамское и ижемское.¹² Правильнее

⁹ По этому параметру кольское оленеводство ближе к оленеводству Скандинавии, чем других регионов России.

¹⁰ См.: Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930.

¹¹ Описание причин и деталей этого переселения см.: Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное состояние. М., 1991.

¹² См.: напр.: Konstantinov Yu. Conversations with Power: Soviet and post-Soviet developments in the reindeer husbandry part of the Kola Peninsula. Uppsala, 2015. P. 117–119.

⁸ Сельскохозяйственный производственный кооператив.

говорить о кольском оленеводстве как о едином и целостном явлении, отличающемся от оленеводства как скандинавских саамов, так и ижемцев востока европейской части России.

Так, однако, было не всегда. Собранные в ходе полевой работы данные показывают, что до второй половины XX столетия оленеводство на Кольском полуострове было во многом сходно с тем, что до сих пор существует у коми и ненцев восточной части Большеземельской тундры: олени выпасались под надзором оленеводческих бригад, кочующих со стадами по неизменной кочевой тропе — *вэрге* (коми). Однако на Коле уже в 1950-е гг. стали возводиться изгороди, разделявшие тундровые (летние) и лесные (осенне-зимне-весенние) участки пастбищ. Существовали и важные различия в технологии оленеводства: например, часть оленеводов из с. Ивановка (Чалмны-Варрэ), частично из с. Краснощелье выпасала стада в лесной зоне полуострова и выходила в тундру лишь на июль и август. Эти оленеводы не кочевали к морю, а оставались летом вблизи границы леса.

В результате укрупнения сельскохозяйственных предприятий в конце 1950-х–1960-е гг. кольское оленеводство оказалось сосредоточенным в двух крупных совхозах, существующих и поныне в качестве СХПК «Тундра» (с. Ловозеро), куда вошли оленеводы села Ловозеро и ряда ликвидированных саамских погостов, и в совхозе «Памяти Ленина» (ныне — СХПК «Оленевод», с. Краснощелье), куда вошли оленеводы ижемских сел Краснощелье, Каневка, ликвидированного села Ивановка (Чалмны-Варрэ), а также села Сосновка. В последнем предприятии оказались и упомянутые выше «лесные» оленеводы, которым была выделена территория к югу и юго-востоку от ловозерских «коридоров». Уже с начала 1970-х гг. в кольском оленеводстве появились первые элементы перехода к интенсивному выпасу, что выразилось в переводе в некоторых бригадах стад на свободный выпас во второй половине июля — августе, т. е. после периода активного лёта комаров. Однако более важной вехой на пути к интенсивному выпасу стал отказ от мобильного жилища — чума. Вместо него вдоль кочевой тропы каждой бригады возводилась цепочка стационарных жилых строений и кое-где — хозяйственных построек, так называемых оленеводческих баз. На них заранее, еще по санному пути, забрасывались запасы продуктов, топлива, необходимых в быту и оленеводческой работе материалов. В течение года по мере движения стада члены бригады переезжали с

одной базы на другую, причем для переездов использовался вездеход. Это позволило резко сократить количество транспортных оленей и отказаться от грузовых нарт. Строительство баз началось в самом конце 1970-х и завершилось во второй половине 1980-х гг. К этому времени олений транспорт использовался уже только при выпасе, причем даже для него в снежный период все больше стали применяться снегоходы. По словам информаторов, именно эта модернизация оленеводства вызвала расширение временных границ свободного выпаса, который стали практиковать весь бесснежный период года: слишком резкое сокращение количества транспортных оленей (многие из них были отправлены на забой, чтобы увеличением выхода мяса руководители смогли отчитаться о высокой эффективности нововведений) привело к тому, что для летнего выпаса оленей, который возможен только на упряжках, просто перестало хватать транспортных животных, и поэтому пришлось распускать оленей безнадзорно. Кроме того, вездеходы оказались гораздо менее надежной техникой, чем предполагалось: вдалеке от центральной усадьбы они часто ломались, застревали, не могли пробиться к бригадам по погодным условиям, что разрушало весь ритм миграций. Наконец, с началом кризиса 1990-е гг. они просто встали из-за нехватки топлива и запчастей.

Период 1990–2000-х гг. характеризовался дальнейшей экстенсификацией выпаса, который начал распространяться и на снежный период года. Но, в отличие, например, от Финляндии, полного перехода на свободный выпас оленей в течение всего года на Кольском полуострове все-таки не произошло: в настоящее время животных направляют по определенному зимнему маршруту и в течение зимы регулярно проверяют. Пастухи посещают стадо от одного до двух-трех раз в месяц (соответственно, от 3 до 9 раз за период зимнего выпаса, который длится на Кольском полуострове от завершения коральных работ до стаивания снега, т. е. 3–3,5 месяца). Это позволяет считать зимний выпас частично поднадзорным: зимой, в отличие от лета, оленеводы имеют ясное представление о том, где находятся их стада.

Оленеводческие операции и поведенческие традиции оленей Кольского полуострова

Экстенсификация оленеводства всегда сопровождается существенным изменением приоритетов производственной деятельности и, соответственно, набора оленеводческих операций.

Если при интенсивном выпасе оленей приоритетом для оленеводов бывает сохранение контроля над оленьим стадом и недопущение откола от него групп оленей,¹³ то при полностью экстенсивном выпасе приоритетом становится своевременный и по возможности полный ежегодный сбор стада для проведения коральных работ.¹⁴ Технологические операции, связанные с поиском и сбором оленей, знания и умения, необходимые для их осуществления, занимают в этом случае центральное место.

Хотя оленеводство Кольского полуострова нельзя считать полностью экстенсивным, сбор стада после периода летнего свободного выпаса и последующие коральные работы уже стали в нем центральными элементами хозяйственного цикла.¹⁵ В настоящее время сбор оленьих стад на полуострове осуществляется на снегоходах и начинается по первому снегу, т. е. примерно в ноябре. Опытные, хорошо знакомые с местностью пастухи должны обнаружить и собрать животных, которых они распустили еще в начале июня и о местоположении которых не имели никаких сведений. При этом оленеводы опираются на знания об особенностях поведения животных, которые, будучи стадными животными, во время миграций перемещаются более или менее большими группами («кусками»). Эти группы животных быстро проходят одни участки территории, а на других — защищенных от ветра и богатых кормом — задерживаются на достаточно длительное время. Такие участки между холмами, под высокими берегами рек, на тундровых «языках», вклинивающихся в лес, кольские оленеводы называют «карманами». Осенний поиск оленей — это, говоря словами оленеводов, «поиск кусков по карманам».

Второй важной особенностью поведения кольских оленей является то, что, хотя поднадзорный летний выпас не практикуется на полуострове уже больше 30 лет, значительная часть животных все еще следует в процессе летних миграций по бывшим бригадным кочевым путям — взргам. Это в большей степени характеризует западное крыло СХПК «Тундра» и восточные (каневскую и сосновскую) бригады СХПК «Оленевод» (на границе двух предприя-

тий ситуация более сложная, о чем речь пойдет чуть ниже). Поэтому поиск и соби́рание стада заключаются в поездке на снегоходе вдоль взрга с обязательной проверкой всех находящихся в ее окрестностях «карманов». Важно, чтобы сборщики оленей хорошо знали как проходит взрга и где расположены «карманы»: пропуск хотя бы одного «кармана» может обернуться оставлением в тундре «куска». Обнаружив оленей, сборщик объезжает их на снегоходе, заставляя животных собраться вместе, а затем выгоняет их на взргу, по которой они уже самостоятельно следуют в южном направлении, постепенно скапливаясь возле изгороди, отделяющей летние пастбища от зимних.

Поведение оленей и, следовательно, поиск «кусков» имеют особенности в случае бригад, находящихся на границе между двумя предприятиями. Информатор из 8-й ловозерской бригады вспоминал, что, когда на предприятии «Тундра» только начинали распускать стада на лето, олени в бригадах восточного крыла вели себя так же, как и в бригадах западного, т. е., несмотря на отсутствие надзора, продолжали мигрировать «более или менее одной кучей» вдоль бригадных кочевых троп и к середине сентября сами возвращались к лесу, где их легко было собрать. По его словам, все изменилось, когда оленей на лето стали распускать «лесные» краснощельские бригады. Оставшись без надзора, стада этих бригад начали активно смешиваться со стадами соседних ловозерских бригад. Поскольку краснощельские олени имели совсем другие пути, а главное — иной ритм кочевания (они «привыкли» кочевать гораздо медленнее, не уходить далеко от леса и раньше возвращаться на юг, чем ловозерские олени), их появление в ловозерских стадах разрушило прежнюю стройную систему миграций безнадзорных стад по взргам: во время миграций краснощельские олени отставали, а ближе к осени раньше начинали двигаться на юг, «утаскивая» за собой крупные «куски» ловозерских стад. Прибыв к изгородям между зимними и летними пастбищами слишком рано, эти «куски» в поисках корма разбредались по лесотундре, оказываясь к моменту сбора стад в самых неожиданных местах. Интересно, что краснощельские оленеводы рассказывают эту историю «наоборот»: по словам пожилого представителя 1-й краснощельской бригады, в нарушении ритма кочевания оленей были виноваты ловозерцы, которые слишком рано стали распускать стада на

¹³ См. об этом: Dwyer M. J., Istomin K. V. Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders // Human Ecology. 2008. Vol. 36, iss. 4. P. 521–533

¹⁴ См., напр.: Ingold T. The Skolt Lapps Today. Changing Cultures. Cambridge, 1976. P. 45–73.

¹⁵ См.: Konstantinov Yu. Op. cit.

летний вольный выпас («снег еще не сойдет, а они уже стада выталкивают за изгородь»). Безнадзорные ловозерские олени стали заходить по весне в краснощельские стада и утаскивать их «куски» с собой к морю, так что найти их, не заходя на ловозерскую землю, стало невозможно. В любом случае все информаторы сходятся на том, что смешение в летний период стад с различными моделями поведения очень затруднило осенний поиск оленей: стада стали рассыпаться на большее количество «кусков», которые имеют обычно меньшие размеры, чем в западном крыле, и разбредаются по множеству маленьких «карманов», «обшарить» которые — очень трудоемкая задача. Возможно, поэтому поиск стад занимает здесь гораздо больше времени: часто он заканчивается лишь в марте, т. е. на один–полтора месяца позже, чем в более восточных и более западных бригадах. При этом в нем вынуждено участвовать больше оленеводов — как правило, несколько бригад. Позднее окончание сбора оленей негативно отражается как на упитанности животных к моменту забоя, так и на выходе телят (в марте самки оленя находятся на поздних сроках беременности, и стресс от сгона стад снегоходами влияет на них негативно).

Осенний поиск оленей — технологическая операция, занимающая центральное место в экстенсивном кольском оленеводстве. Своей эффективностью она во многом обязана поведенческим комплексам оленей, развившимся у животных еще в эпоху интенсивного выпаса и сохранившимся до настоящего времени. Там, где эти комплексы были нарушены, эффективность сбора оленей оказывается гораздо ниже, что снижает продуктивность оленеводства.

Собравшихся у изгороди оленей загоняют в корали, где осуществляется подсчет животных, выбор части из них на забой, а также отделение попавших в собранное стадо чужих животных. Здесь же происходит деление животных на бригадные стада, хотя в некоторых случаях несколько бригад выпасают своих оленей вместе. По окончании коральных работ начинается период зимнего выпаса оленей. Животных отправляют по определенному зимнему маршруту, который чаще всего имеет вид круга и у большинства бригад пролегает по редколесью либо по открытым местам. Судя по всему, это делается для того, чтобы стада было легче проверять и «подправлять» на снегоходе. Во время таких проверок оленеводы живут на старых промежуточных базах

вблизи маршрута движения стада. По мере движения оленей они меняют базы, обычно один-два раза за зиму. Круговой маршрут построен так, чтобы к началу периода отела (середина мая) стада оказались на ровных, лишенных лесной растительности участках, которые представляют собой отельные пастбища времен интенсивного выпаса. Здесь вновь начинают играть основную роль поведенческие традиции оленей: таяние снега уже сильно затрудняет передвижение на снегоходах, поэтому в большинстве кольских оленеводческих бригад никакого активного наблюдения за отелом не ведется. Представитель 1-й краснощельской бригады, впрочем, заявил нам, что в их бригаде во время отела осуществляется наблюдение за стадом: оленеводы в это время живут вблизи пастбища в санных палатках, которые передвигаются (чаще — на снегоходах, реже — вручную) вслед за медленно движущимся стадом. Однако и в этом случае недостаток транспортных оленей не дает оленеводам активно влиять на движение «головы» стада: они фактически просто следуют пешком за медленно идущими телятцами и отелившимися важенками, собирая пыжиков и иногда помогая встать на ноги упавшим телятам. Таким образом, основную роль в определении скорости и направления движения стад в этот период снова играют поведенческие традиции животных, заставляющие их проходить отельник в определенном темпе и в определенном направлении. В результате в начале июня отелившиеся стада скапливаются перед изгородями, отделяющими летние и зимние участки, давая возможность находящимся на базах¹⁶ оленеводам оценить то, как прошел отел, и прикинуть размер прироста стада. С середины июня начинается повсеместный свободный выпас оленей, который продолжается до ноября–декабря.

Обсуждение: поведенческие традиции оленей и экстенсификация оленеводства

Приведенное выше описание полного цикла выпаса ясно указывает на два факта, весьма важных с точки зрения понимания динамики взаимодействия человека и оленя в рамках оленеводства как культурно-экологического феномена. Во-первых, не остается сомнений в том, что

¹⁶ Эти базы когда-то строились как весенне-осенние, но в настоящее время они используются как летние базы оленеводов. Более северные (бывшие летние) базы используются сегодня оленеводами для ночевки во время осеннего поиска животных.

у значительной части кольских оленей существуют поведенческие комплексы, связанные с выбором путей и сроков миграций, которые, скорее всего, сформировались еще во времена интенсивного оленеводства и до сих пор заставляют животных следовать в своих миграциях теми же кочевыми тропами и в том же ритме, как некогда кочевали их хозяева-оленоводы. Учитывая то, что летнее кочевание со стадами прекратилось более 30 лет назад, можно утверждать, что в настоящее время на полуострове обитает уже, как минимум, 6-е или 7-е поколение животных, никогда не подвергавшихся интенсивному выпасу. Поэтому данные поведенческие модели должны были передаваться из поколения в поколение через научение и копирование молодыми животными поведения старшего поколения. Иными словами, описанные комплексы являются поведенческими традициями, и пример кольского оленеводства как нельзя лучше показывает, насколько значимую роль процессы научения и копирования играют в формировании поведения северных оленей и насколько устойчивыми могут быть эти традиции.

Это подводит нас ко второму важному выводу, следующему из наблюдений за изменением поведения оленей Кольского полуострова. Эти наблюдения, на наш взгляд, еще раз доказывают ошибочность тезиса Хью Бича о том, что экстенсификация оленеводства непременно ведет к возвращению оленей к некому «естественному» поведению. Более того, они показывают, что при определенных условиях переход к экстенсивному выпасу вообще может не приводить к изменению некоторых ключевых для оленеводства аспектов такого поведения, что свидетельствует об ошибочности и тех взглядов, которые высказывались нами ранее в противовес взглядам Хью Бича. Действительно, выдвигавшаяся нами совместно с М. Дж. Двайером модель динамической обоюдно адаптации предполагала (пусть и имплицитно), что любое изменение поведения оленеводов, являясь существенным компонентом среды оленя, влечет за собой необходимость адаптации животных к этому изменению, причем эта адаптация принимает форму не наследуемой генетически модификации поведения животных. Однако, судя по всему, этот взгляд переоценивал гибкость оленьего поведения и недооценивал стойкость поведенческих традиций животного. Кольский пример показывает, что появление и распространение новых элементов в поведении оленей отнюдь не следуют

автоматически за изменением среды, пусть даже и таким значительным, как исчезновение активного контроля со стороны оленеводов на целые периоды года. Вероятно, модификация поведения у оленей происходит тогда, когда следование прежним моделям становится невозможным, слишком затратным либо когда разрушается механизм наследования традиции. В других случаях устоявшаяся поведенческая традиция продолжает действовать, даже если факторы, вызвавшие ее к жизни, исчезли.

Можно, конечно, задаться вопросом, не сыграла ли свою роль в сохранении поведенческих традиций кольских оленей известная уникальность природных условий на полуострове, в частности относительно малое количество наземных хищников. Действительно, в других районах России практика интенсивного выпаса имеет целью не только сохранение контроля над оленьим стадом, но и защиту его от хищников. Потеря такой защиты, несомненно, вызвала бы необходимость существенного изменения поведения стад для сохранения жизни особей и их потомства. Однако даже в этом случае Кольский полуостров является исключением, лишь подтверждающим правило: изменение поведения оленей вызывается не изменением поведения оленеводов как таковым, а связанной с этим изменением невозможностью следовать старым поведенческим моделям. Там, где эта невозможность не возникает, поведение оленей не меняется — факт, который роднит поведенческие традиции оленей с человеческими культурами.

Кроме того, неверным оказывается высказывавшееся нами ранее мнение о том, что экстенсивное оленеводство вообще и кольское в частности являются продуктом негативной динамической адаптации. На самом деле никаких следов негативной адаптации в кольском оленеводстве обнаружить не удалось: как и в системах интенсивного оленеводства, на Кольском полуострове оленеводы строят стратегии своих производственных операций на определенных ожиданиях относительно поведения оленей (в данном случае — их миграций по определенным путям и в определенные сроки), и олени в большинстве случаев вполне оправдывают эти ожидания. Налицо высокий уровень поведенческой адаптации человеческой и оленьей популяций друг к другу. В известном смысле примером негативной адаптации может служить лишь опыт «центральных бригад» Кольского полуострова. Однако тут мы имеем дело

не столько с негативной адаптацией человека и оленя, сколько с нарушением механизма передачи поведенческой традиции: из-за смешения между собой животных с разными моделями поведения молодое поколение оленей оказалось не в состоянии усвоить определенную поведенческую традицию. Действительно, если бы лесные и тундровые стада не соседствовали здесь и не смешивались, то поведенческие традиции, вероятно, сохранились бы, несмотря на экстенсивный выпас. Можно сказать, что культуру оленей в данном случае разрушила скорее специфическая ее «глобализация», чем изменение культуры людей.

Выводы

Как и любая другая система кочевого животноводства, оленеводство объединяет в систему два компонента-популяции — животный и человеческий. Эти популяции взаимно влияют друг на друга, в результате чего изменяются. В то время как в большинстве систем кочевого животноводства такое изменение затрагивает и генетически наследуемые характеристики обеих популяций, в оленеводстве взаимовлияние отражается, по-видимому, лишь в особенностях поведения, передаваемых из поколения в поколение в основном через негенетические механизмы. Этому способствует большая пластичность поведенческих моделей оленей, которые практически полностью формируются индивидуальным и социальным опытом животного (приспособлением и научением), способны меняться под воздействием окружающей среды и через копирование поведения других особей и к которым поэтому, вопреки мнению некоторых исследователей, совершенно неприменим термин «естественное поведение».

Пример кольского оленеводства ярко иллюстрирует этот факт. Во второй половине XX в. в оленеводстве полуострова произошли глубокие изменения: использовавшаяся раньше интенсивная технология выпаса, при которой пастухи кочуют вместе с оленьим стадом и держат его под постоянным контролем, уступила место экстенсивному выпасу, при котором оленеводы контролируют стада лишь в зимний период. Тем не менее, поведение оленей на большей части полуострова до сих пор соответствует моделям, которые предки нынешних оленей усвоили еще в период интенсивного выпаса: в летне-осенний период олени стада мигрируют по кочевым тропам (вэргам), ко-

торые некогда использовались оленеводами, причем ритм этих миграций соответствует календарю оленеводческих перекочевков того времени. Сходство с поведением, характерным для интенсивного выпаса, наблюдается у стад и в период отела. Эти особенности используются оленеводами в ходе осеннего сбора стад — основной технологической операции современного кольского оленеводства, а также для блокирования и встречи стада после отела. Таким образом, модели поведения, сформировавшиеся у животных под воздействием поведения пастухов в период интенсивного выпаса, сохраняются в виде поведенческой традиции, которая широко используется современными оленеводами — носителями другой оленеводческой технологии.

Пример оленеводства Кольского полуострова не просто свидетельствует о существовании поведенческих традиций у оленей (о них было известно и ранее) и о большой роли этих традиций в функционировании оленеводства как системы (на что указывал, наряду с другими исследователями, и автор настоящей работы в своих предыдущих публикациях), он показывает, что эти традиции не являются лишь результатом адаптации к поведению оленеводов. Скорее всего, у поведенческих традиций оленей имеется известное сходство с человеческими культурами: передаваясь из поколения в поколение, они могут еще долго сохраняться после того, как перестают действовать те факторы среды, которые их изначально сформировали. С другой стороны, эти традиции способны к быстрому разрушению и исчезновению при столкновении с популяциями оленей, имеющими другие традиции поведения, либо при нарушении механизма их передачи. В центральной части Кольского полуострова, где поведенческие традиции оленей были разрушены из-за смешения популяций с разными традициями, мы сталкиваемся с примером такого процесса: разрушение поведенческих традиций здесь весьма негативно отразилось на оленеводстве, существенно затруднив многие оленеводческие операции.

В свое время в одном из докладов на английском языке автор настоящей статьи, больше в качестве провокации, высказал мысль о том, что любая оленеводческая культура включает в себя, помимо культуры оленеводов, также и «культуру оленей» и что поэтому привычные для тундровика словосочетания «коми (зырянские) олени», «ненецкие олени» и т. д. вполне могут означать нечто большее,

чем просто указание на принадлежность оленей представителям определенных этнических групп. Вполне возможно, что эти словосочетания указывают в определенном смысле

и на культуру *самых* оленей. Пример кольского оленеводства позволяет думать, что смысла в этом словосочетании было больше, чем казалось тогда самому автору.

Kirill V. Istomin

Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS; Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar, Ekaterinburg)

E-mail: *kistomin@naver.com*

THE DYNAMICS OF REINDEER CULTURE ON THE KOLA PENNINSULA

In reindeer herding literature, the transition from the permanent control over reindeer herds towards so called extensive herding is often seen as a progressive “mismatch” between reindeer and men, a progressive loss of their adaptation to each other, which eventually leads to the reindeer’s returning to its “natural” behavior, that is “turning to the wild”. However, the empirical material from the Kola Peninsula shows that despite the extensive herding, with reindeer herds roaming free throughout summer and being only partly observed in winter, has been practiced here for already over 30 years, the reindeer still follow the migration routs and schedule from the times of intensive herding. The reindeer herders use this fact during their annual rounding up reindeer in autumn as well as during springtime pasturing. Therefore, despite the extensification of herding, reindeer retain behavioral models that emerged in the intensive herding epoch. This shows that reindeer and men are still adapted to each other and that reindeer behavioral transitions can be very sustainable and outlive the factors that originally caused their existence. Perhaps it is worth to speak about reindeer cultures that always accompany reindeer herders’ cultures.

Keywords: *Reindeer herding, extensive herding, Kola Peninsula, behavioral traditions, reindeer culture, Sami, Komi*

REFERENCES

- Baskin L. M. *Ekologicheskie osnovy severnogo olenevodstva*. Avtoref., kand. [Ecological basis of reindeer breeding. Abst. of Cand.]. Moscow: MGU Publ., 1968, 17 p. (in Russ.).
- Baskin L. M. *Severnyy olen: upravlenie povedeniem i populyatsiyami, olenevodstvo, okhota* [Reindeer: management of behavior and populations, reindeer herding, hunting]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdatelstv KMK Publ., 2009, 284 p. (in Russ.).
- Beach H. Reindeer-Herd Management in Transition: The Case of Tuorpon Saameby in Northern Sweden. Uppsala: Upsaliensis Academiae, 1981, 562 p. (in English).
- Beach H., Stammler F. Human-Animal Relations in Pastoralism. *Nomadic Peoples*, 2006, vol. 10, iss. 2, pp. 6–30. (in English).
- Charnoluskiy V. V. *Materialy po bytu loparey: opyt opredeleniya kochevogo sostoyaniya loparey vostochnoy chasti Kolskogo poluostrova* [Materials on the life of Lapps: the experience of determining the nomadic state of the lobes of the eastern part of the Kola Peninsula]. Leningrad: Izdanie Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva Publ., 1930, 176 p. (in Russ.).
- Dwyer M. J., Istomin K. V. Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders. *Human Ecology*, 2008, vol. 36, iss. 4, pp. 521–533. (in English).
- Ingold T. *The Skolt Lapps Today. Changing Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976, 290 p. (in English).
- Istomin K. V., Dwyer M. J. Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism. *Human Ecology*, 2010, vol. 38, iss. 5, pp. 613–623. (in English).
- Konakov N. D., Kotov O. V. *Etnoarealnye gruppy komi: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Ethno areal groups of Komi: formation and current state]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 232 p. (in Russ.).
- Konstantinov Yu. *Conversations with Power: Soviet and post-Soviet developments in the reindeer husbandry part of the Kola Peninsula*. Uppsala: Uppsala University, 2015, 423 p. (in English).